

немедля принять евангелическую веру. Редингер пытался обратить турок как раз с помощью «Света во тьме». Когда визирь предложил Редингеру перейти в мусульманство, тот рассмеялся: зачем же принимать ислам, если вскоре мир озарится светом Евангелия?¹⁶

Предисловие Коменского любопытно и с другой точки зрения: оно дает превосходную сравнительную характеристику трех «пророков» — Коттера, Понятовской и Драбика. Комментируя и оценивая их видения, автор предисловия замечает, что Коттеру являлись только ангелы, Кристине Понятовской — и ангелы, и бог, Драбику — только бог; что стиль пророчеств Коттера — возвышенный, Понятовской — доверительный, Драбика — простой и грубоватый.¹⁷

Драбик, однокашник Коменского по стражницкой школе, вместе с ним возведенный в сан братского священника, был, если можно так выразиться, наиболее «практичным» из пророков. После изгнания из Чехии он поселился в Словакии, в Леднице. «Регулярные» видения начали посещать его с января 1643 г., когда он увидел войска, идущие с севера и востока, и услышал голос, вещавший, что Ракоци разобьют угнетателей. Затем видения участились, так что к 1657 г. — году издания «Света во тьме» — их набралось несколько сот.

Бог Драбика, по меткому замечанию Фр. Зоубка, по мировоззрению своему был «чешским братом». Этот бог входил во все мелочи политической борьбы, приказывал издать пророчества Драбика во многих экземплярах и разослать их по всей Европе, даже изъяснялся чешскими стихами, надо признать, довольно неудачными.¹⁸

Многие авторы работ о Коменском досадуют, что он был «введен в заблуждение» Драбиком и другими пророками. Фр. Зоубек, перу которого принадлежат наиболее обстоятельные, хотя изрядно устаревшие статьи о ясновидцах из среды «чешских братьев», начинает одну из своих работ так: «Единственная вещь, которая омрачала и омрачает память о Коменском, — это его вера в видения и пророчества».¹⁹

По нашему мнению, нет оснований для подобных упреков: предрассудки Коменского — это предрассудки его времени. Для человека, который верит в ветхозаветных пророков и апостолов, естественно верить и в пророков новейших. Перед Коменским — издателем Коттера, Понятовской, Драбика и Мелиша стояло только одно затруднение догматического порядка. Сформулировать его можно в виде следующего вопроса: отнята ли ныне (т. е. в XVII в.) у людей та способность, которой бог не раз наделял своих избранных в библейские времена — способность пророчествовать? Отнята или нет?

¹⁶ Попытку Редингера повторил в 1678 г. Кульман: он отплыл в Смирну, затем в Стамбул, собираясь преподнести Магомету IV второе издание пророчеств. — «Свет из тьмы», а также собственное сочинение («De conversione Turcarum»). По слухам, султан приказал дать Кульману сто ударов по пяткам. Воротившись в Европу, Кульман в 1682 г. в Лондоне выпустил «письма» к Магомету IV, в которых говорилось об обращении турок в христианство и о союзе против Габсбургов. Уже в Москве Кульман снова упоминал о скором «пременении» турок.

¹⁷ Ср.: Fr. J. Zoubek. O Komenského polemikách theologických. — Časopis Českého Musea, R. 59. Praha, 1885.

¹⁸ Fr. J. Zoubek. Jak veršoval po česku Kristus Pán. — Osvěta, R. 17, d. II, č. VII. Praha, 1887, стр. 650—652.

¹⁹ Fr. J. Zoubek. O proroctvích za války třicetileté, zvláště o Kristině Poňatovské. — Časopis Českého Musea, R. 46. Praha, 1872, стр. 3. Следует отметить, что спустя восемнадцать лет Фр. Зоубек признал, что осуждать пророков и людей, веривших в них, еще не значит научно объяснить причины возникновения этого явления. Ср.: Fr. J. Zoubek. O Komenského polemikách theologických. — Časopis Českého Musea, R. 64. Praha, 1890, стр. 449.